

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРИЗМА

НОВАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ В БЕДНОЙ СТРАНЕ

Крах Киевской Руси был одновременно банкротством соборной версии догосударственного вечевого идеала. Катастрофа на уровне психологии, содержания культуры, на уровне массовой воспроизводственной деятельности вызвала массовое дискомфортное представление об активности сил зла. Оно в чисто логическом аспекте означало возникновение мощного стимула, включающего инверсию — движение господствующего нравственного идеала от соборности, от соборной версии догосударственного вечевого идеала к господству противоположной, авторитарной версии. Новый идеал, который представлялся теперь все более комфортным, характеризовался прежде всего ориентацией на высшую власть, на тотем, на первое лицо как на носителя высшей Правды. Общество ответило на катастрофу этой альтернативой, однако она уже содержалась в арсенале накопленного богатства культуры, прежде всего в самой элементарной клеточке движения вечевой культуры.

Новая версия послужила основой для ее экстраполяции на большое общество, на государство. Этому повороту способствовали значительно более трудные условия жизни на новом этапе. Центр страны переместился на северо-восток. Началась история великороссов. К. Кавелин заметил, что с XIII века развитие государственности протекало в наименее культурных областях Древней Руси. С его точки зрения, ссылки на татаро-монгольское завоевание для объяснения низкого культурного уровня нового общества недостаточно. Он писал: «Значение ига сильно преувеличивается... Напрасно станем мы отыскивать следов органического влияния кочевников на нашу жизнь». Новая родина была «печальна и сурова», население разбросано, разобщено, отрезано друг от друга лесами и болотами. Природные условия были существенно иными, нежели в

Киевской Руси. Их суровость породила менее благоприятные условия для хозяйственного развития, для воспроизводства ресурсов. В Киевской Руси преобладало доземледельческое хозяйство. Земледелие медленно вращало в охотничьи промыслы и вытесняло их. Оно выдвинулось на первый план в XI-XII веках. Важно, что земледелие создает менее благоприятную основу для развития меновых отношений¹. Это обстоятельство, очевидно, сыграло определенную роль в существенном падении значимости торговли на новом этапе развития общества. Суровая и продолжительная зима оставляла на земледельческие работы пять-шесть месяцев в году, ограничивала возможности животноводства. В стране были плохие почвы, ненадежные осадки, низкая урожайность. Природные условия затрудняли развитие дорог, торговли, географической специализации производства, обмен производственным опытом.

Любопытна оценка, которую дает хозяйству того времени американский ученый Р. Пайпс. Сравнивая хозяйство разных народов, он указывает, что коренное финское и тюркское население рассматривало земледелие как побочное занятие относительно охоты, рыболовства, скотоводства. «Русские поступили по-другому. По всей видимости, сделанный ими упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является коренной причиной многих трудностей, которые сопровождали историческое развитие»² России. До XVI века на Руси преобладала подсечная система земледелия и полукочевой образ жизни ввиду низкого уровня земледелия. Только во второй половине XVIII века в центрально-черноземной полосе трехполье стало преобладающим, хотя применялись и подсека, залежь, перелог³.

Население деревень находилось во власти синкретических представлений, оно не могло подняться над повседневными интересами. Условия не способствовали сплочению народа и развитию широких интересов. Обилие незанятых земель позволяло земледельцу передвигаться в поисках пашен, не истощенных эксплуатацией, на необозримых пространствах. Семья в одном поколении меняла не один десяток таких заимок. С. Соловьев называл русское крестьянство «жидким элементом русской истории». Малолюдность, обширность территорий, возможность переселения в более отдаленные, более безопасные

¹ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1911. Ч. 2. С. 31, 34, 37.

² *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 5. См. также: *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56.

³ *История крестьянства в Европе.* М., 1986. Т. 3. С. 326.

районы были факторами сохранения самобытности восточных славян. Условия их жизни стимулировали преобладание авторитарной версии древнего синкретического идеала. Для этого общества были характерны натуральная система хозяйства со слабо развитой торговлей, зависимость от природной стихии, а также экономическая слабость личности, общая бедность. *Если Киевская Русь развивалась на городской основе, то основу возникшего Московского государства составляла деревня.* М. Покровский характеризовал новое государство — московский этап — как «более захолустный, провинциальный»⁴. Не последнюю роль сыграл разгром городов Батьем, что способствовало перемещению власти от городского веча к князю и нанесло удар товарно-денежным отношениям, возможности накопления капитала. Это стимулировало не интерпретацию князя в понятиях магдебургского права, а укрепление представления о нем как о тотеме.

Власть главы семьи, дома, локального мира служила почвенным стимулом для авторитаризма. Усиление княжеской власти, воплощавшей авторитаризм, было возможно на основе давно зревшей уверенности, что без князя невозможно воевать, сражение может быть проиграно лишь в силу отсутствия полководца — князя. Развитие авторитаризма стимулировалось культурными представлениями, идущими из древности. В «Слове о полку Игореве» князья назывались «Даждьбожьими внуками», т. е. потомками божества — солнца, солнечного дня. Даждьбог был Царем-Солнцем, мифическим родоначальником русских людей. Интересно, что «имя этого солнечного божества имеет явно иранский облик». Последний русский великий князь-язычник Владимир именовался в былинах Владимиром-Солнцем⁵. Следовательно, культурное наследие способствовало тому, чтобы первое лицо в государстве могло вписаться в нравственный идеал, выдвигающий князя в качестве источника, носителя высшей Правды. Кстати, по Марру, «изумительное до невероятности русское слово правда, восходя по семантической палеонтологии к „солнцу“, имеет скифо-сарматское происхождение»⁶. Царь как преемник князей вписывался в ту же культурную основу. В результате крещения Руси первое лицо стало помазанником Божьим, что «не отменило, но возвысило и подтвердило дохристианскую

⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. М.; Л., 1925. Ч. 1. С. 48.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 266; *Он же.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 247, 652, 864.

⁶ Марр Н. Я. Избранные работы: Основные вопросы языкознания. Л., 1936. Т. 2. С. 256.

веру»⁷, т. е. имела место полная культурная преемственность. Так создавались необходимые условия для экстраполяции на большое общество авторитаризма, для отхода соборности в тень. «Идея морального единства всей „братии" уступила место безусловному политическому подчинению всех остальных перед „старшим" их господином»⁸.

Следует отметить, что создание государственности, формирование большого общества часто сопровождается принятием новой религии, которая должна создать для этого более адекватную, чем местные верования и традиции, культурную основу. Принятие православия, господствовавшего в Византии, отвечало этой цели в значительно большей степени, чем ограниченный пантеон языческих богов, который создавался в Киеве. Христианство способствовало достижению поставленной цели не только монотеизмом, но всеобщностью своих представлений, способностью объединять людей в неограниченном масштабе независимо от их принадлежности к той или иной локальной общности. *Тенденция к максимальному слиянию церкви и государства* содействовала формированию культуры, соответствующей воспроизводству авторитаризма. Тем не менее значение церкви не могло быть решающим, так как выявились в конечном итоге недостаточный интерес ее к участию в решении социальных проблем, возрастающая зависимость от государства, что в итоге ослабило общий поиск наилучших форм жизни. Кроме того, само влияние церкви на исторически сложившийся менталитет было не слишком велико.

Для понимания сути нового общества следует различать нравственный и социальный аспекты проблемы. В каждом случае необходим анализ социальных отношений, сообщества, которое объективно лежит в основе сложившихся ценностей, в процессе их экстраполяции на государственность. Если ячейкой первой государственности было вече в его соборной интерпретации, то второе государство строилось на основе удельной вотчины, обособленного, самостоятельного княжества. Население отдавало себя под покровительство вотчинника, экстраполировало на него односторонние представления об отце, тотеме и т. д., видело в отдаче себя вотчиннику, в участии к нему как внешней силе предпосылку собственного существования. Вотчина была, с одной стороны, результатом односторонней экстраполяции синкретического идеала на более высокий этаж организации общества, а с другой — предпосылкой для дальнейшей экстраполяции этого идеала на масштаб всего об-

⁷ Дугин А. *Континент Россия*// *Континент Россия*. М., 1990. С. 56.

⁸ Миллюков П. Н. *Очерки по истории русской культуры*. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 1. С. 33.

щества. В вотчинах, рост которых имел место в XI-XII веках, структура власти основывалась на власти отца. Это послужило основой тому, что «переход к государственному подданству произошел... от подданства-министералитета, подданства в холопской форме. Типологически русский вариант деспотического самодержавия близок византийскому, в котором также не было развитого вассалитета»⁹. Термин «отчина» экстраполировался на большое общество. В XIV-XV веках он «применялся к территории „великого княжения“, т. е. ко всей Северо-Восточной Руси»¹⁰.

Сложившаяся в X-XI веках в принципе централизованная власть князя при всех ее слабостях давала организационную основу для дальнейшего развития авторитаризма. Для анализа истоков возникновения большого общества следует вновь вернуться к древним синкретическим сообществам. Исследования свидетельствуют, что в древнеславянских представлениях в качестве тотема выступали «князь» и «княгиня». Первое означало «тотем-мужчину», второе — «тотем-женщину»¹¹. «В условиях первобытного родового строя князь (от корня „кньн“ — основа) был главой семьи и главным исполнителем обряда. В русском крестьянском быту XIX в. жениха и невесту во время свадьбы называли „князем и княгинюшкой“. На таком семейно-родовом уровне „князь“, очевидно, расценивался как глава житейских дел и как руководитель семейных религиозных закланий»¹². В этих социальных и культурных формах культивировался синтетический архаичный принцип нерасторжимости власти, собственности и жреческо-идеологических функций, что органически легло в основу новой государственности. Развитие по этому пути позволяет говорить о существовании *типа большого общества, получившего название азиатского способа производства*, фигурирующего также под названием *государственного способа производства*¹³, а также *политарного*¹⁴. Его называют еще *кабально-общинным*, а также *потестарной (властной) формацией*. Для него было характерно подчинение хозяйственной деятельности государству. Это об-

⁹ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы// История СССР. 1991. № 4. С. 61.

¹⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 187, 195.

¹¹ Мэпп Н. Я. Избранные работы... Т. 2. С. 274.

¹² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 294.

¹³ Васильев Л. С. Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985. С. 15.

¹⁴ Семенов Ю. И. Социально-экономический строй древнего Востока: Современное состояние проблемы// Народы Азии и Африки. 1988. № 2. С. 158.

шество может быть названо *синкретическим*, так как господство синкретизма сохранилось здесь в сфере ценностей, в стремлении ориентировать воспроизводство на тотемическое мышление. Оно ориентировано на нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей.

«БЕЗ БОГА СВЕТ НЕ СТОИТ И БЕЗ ЦАРЯ НЕ ПРАВИТСЯ»

Инверсионный переход от соборности к авторитаризму может быть интерпретирован *не только как переход к власти князя, но и как основа ее обожествления*. По сути дела, это все та же архаичная инверсионная схема, где человек осознает себя лишь в сопричастии к высшей сакральной точке, опасаясь губительного отпадения. На этой основе может формироваться деспотическое государство, охватывающее большие территории и многие народы. Для него характерен перенос на первое лицо ценностей тотема, потомка тотема, отца, божества, экстраполяция на него древней модели мира. «Без Бога свет не стоит и без царя не правится». Это лицо является, по крайней мере в тенденции, собственником и абсолютным господином, владыкой всех вещей и людей. Однако авторитарная версия может приобретать и иные формы, которые, в частности, можно рассматривать как разные формы антигуманизма¹⁵.

Большому обществу противостоят локальные миры, опирающиеся на ту же культуру, например, догосударственные локальные сообщества, сельские общины, для которых все, что лежит за границами деревни, может представлять враждебный антимир. И локальные миры, и большое общество пытались установить свою монополию на ресурсы, на землю, власть, на жреческие функции и т. д. и тем самым могли вступать в ожесточенное соперничество. Монополия обеспечивала неизменность натурального хозяйства, циркуляции его плодов, что поддерживало в обществе определенную стабильность. Между этими крайними полюсами возможно формирование *миров среднего уровня*. Они выступают как большое общество по отношению к локальным мирам и как локальные миры по отношению к большому обществу. Именно сюда относятся

¹⁵ См.: Ахизер А. С., Матвеева С. Я. Гуманизм как элемент культуры // Общественные науки. 1990. № 2. С. 148.

вотчины. Над волостью и селом «надстраивался новый этаж, появлялся собственник, хозяин земли и людей, сам в свою очередь зависимый от князя»¹⁶. Каждая из этих форм обществу стремилась утвердиться, отгнав другие. Ситуация усложнялась возникновением новых социальных форм (например, поместий). Общинники могут бороться с вотчинниками, объединяясь с властью большого общества. *Порядок, выдвигающий локальные миры среднего уровня в качестве господствующей формы, выступает как феодализм.* «Стадиальный „классический“ доренессансный европейский феодализм совпадает с ранней фазой в цикле развития традиционного Востока, близкой к первобытности и связанной с децентрализацией. Вне Европы — феодализм лишь элемент цикла»¹⁷. Феодализм следует рассматривать как этап на пути формирования максимально централизованной государственности, а также как возможный этап на пути обратного движения.

Существование в обществе по крайней мере трех форм авторитарного идеала не означает их полного равноправия. Различия между тремя уровнями авторитаризма затрагивают и процесс осмысления мира в связи с возможностью функционирования на этих уровнях разных представлений о добре и зле. То, что для одного уровня благо и носит комфортный характер, для другого зло и носит дискомфортный характер. В разных представлениях о добре и зле могут найти свое воплощение различные варианты интерпретации как вечевое, так и других идеалов. Сложность заключается в том, что тот или иной уровень в ущерб другим может занять ведущее положение в обществе. Сложные отношения между этими уровнями — важный конституирующий элемент последующей истории.

Существенным симптомом растущей силы нового идеала был отказ суздальского князя Андрея Боголюбского (1157–1174) после захвата и разгрома им Киева в 1169 году остаться киевским князем. Его поведение имело двойной смысл: с одной стороны, это явная победа локальных ценностей над государственно-соборным идеалом, а с другой — здесь налицо уже возможности нового типа государственности. «Княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти»¹⁸. Андрей Боголюбский избрал своей резиденцией место недалеко от Владимира, стоящее в стороне от вечевых

¹⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946. С. 534.

¹⁷ Васильев Л. С. Что такое «Азиатский способ производства»? // Народы Азии и Африки. 1988. № 3. С. 75.

¹⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 320.

центров Ростова и Суздаля, и попытался стать самовластцем во всей Суздальской земле. Но это была лишь попытка, пока не удавшаяся. Свое действительное начало новая государственность авторитарного типа ведет от княжения Ивана I Даниловича Калиты (1325-1340), приступившего к собиранию земель под эгидой Москвы. Происходило перенесение авторитарных порядков, свойственных княжеским уделам, на государство в целом. Местный князь становился боярином московского князя. Страна превращалась в один громадный удел. При этом ни власть, ни массовое сознание синкретически не отличали государственное управление от управления дворцовым хозяйством. Вся страна мыслилась как вотчина государя-батюшки. При Иване III Васильевиче (1462-1505) господствовало представление, что «вся русская земля Божьей волей из старины от наших прародителей — наша вотчина». Территориальная неопределенность вотчины позволяла «постоянно расширять требования»¹⁹.

Круг задач административного аппарата оказался крайне ограниченным, а методы их решения — несложными. Влияние авторитаризма возрастало по мере ухудшения условий жизни, дробления уделов, упадка княжеской власти на местах. Оно выражалось в растущей тяге местных обществ к Москве. Московский князь, казалось, отвечал идеалу правителя. Авторитаризм одерживал все новые победы, Московское княжество постепенно преобразовывалось в национальное государство. При Иване III оно освободилось от власти восточных завоевателей, что укрепило военно-политическое положение страны. Московский князь именуется царем, а в присутствии иностранцев — Государем Всея Руси, рассматривая себя как единственного в мире православного независимого государя, преемника Византийского императорского дома. Самодержавие было дальнейшей экстраполяцией представлений о функциях хозяина-вотчинника, где «вольные люди были политической случайностью». В. Ключевский замечает: «На таком основании можно было построить не государственный порядок в объединенной Великой Руси, а запоздалую пародию удела...»²⁰.

Специфика авторитаризма заключается в том, что центр тяжести принятия решений смещался к монологу, который охватывал все общество, тогда как учет разнообразия интересов локальных миров отходил на второй план. Высшее руководство, воплощавшее авторитарный монолог, включало не только первое лицо, но и боярскую думу — этот модифициро-

¹⁹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 37, 38.

²⁰ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919. С. 341.

ванный институт соборного типа. На этой основе возник *идеал, который можно назвать ранним умеренным авторитаризмом. Он опирался на представления о власти отца, осуществляемой в рамках обычая, традиции, основанной в конечном итоге на общем согласии семьи, рода. В противном случае в действиях первого лица могли видеть нарушителя порядка, носителя зла.* Боярская дума, как и вече, возникла как собрание локальных миров. Но это было уже собрание не глав семей, а первых лиц, отождествляющих себя прежде всего с бывшими независимыми княжествами. Князья шли на службу московскому князю точно так же, как старая племенная знать шла на службу в Киевском государстве. Еще в XVI в. большинство бояр в думе составляли потомки удельных державцев. В думе сидели «всё старинные, привычные власти Русской земли, те же власти, какие правили землей прежде по уделам; только прежде они правили ею по частям и поодиночке, а теперь, собравшись в Москве, они правят всею землей и все вместе, в известном порядке старшинства расстановливаясь у главных колес правительственной машины»²¹. Авторитаризм, смещавший власть вверх, фильтровал этот поток князей. Влияние «государева двора» привело к тому, что основная масса князей во второй половине XV и первой половине XVI века уже не входила в думу²². Не могло быть и речи о принципе демократического представительства бывших княжеств в думе, тем не менее сам принцип совместного управления первого лица и «князей и бояр» оставался незабываемым. Боярская дума принимала все важнейшие решения по формуле: «Царь указал, а бояре приговорили».

Бояре в значительной степени сохранили свою мощь и влияние, что было связано с тем, что до середины XV века высшая власть практически не пыталась подчинить постоянному контролю местные власти. Ключевский называл такой порядок «локализацией управления». Бояре считали себя независимыми от воли государя, но признавали его «самодержавство». Общество не доверяло князю, если он действовал без бояр. Государь и дума — нераздельные элементы единой верховной власти²³. Никто не стремился и не мог изменить сложившийся порядок. Поэтому конфликты, возникавшие в процессе принятия решений, могли разрешаться не изменением социальных отношений, а столкновениями между его

²¹ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 230.

²² Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской думы по второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 1979. № 103. С. 226.

²³ Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. С. 464.

участниками, как это имело место и раньше. Характерны постоянные конфликты между первым лицом и боярством, которое роптало или вовсе «отъезжало». Царь мог называть бояр «смердами», мог подвергать того или иного боярина опале, но ни с той, ни с другой стороны не было поползновений к коренным переменам в отношениях. Даже Иван IV Грозный (1533-1584), изрядно потрудившийся над избиением бояр, признавал, что дума является необходимым, естественным посредником между царем и народом.

Соборность боярской думы превратилась в свою противоположность, дума стала инстанцией, высоко стоящей над всеми локальными мирами. Ее решения приобретали авторитарный характер, т. е. были заданными извне для всех локальных миров. Здесь действовала уже известная формула: «На что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут». Но теперь речь шла не только о пригородах. Высшая власть стала особым локальным миром, чьи решения касались всех локальных миров, всего общества. Соборный идеал обернулся авторитаризмом.

Идеал, ставший господствующим в результате инверсии, однако, не дошел до логически возможной крайней точки, т. е. до абсолютной противоположности соборности, до авторитарной власти одного лица, подчиняющего себе не только общество, но и всю систему управления. Такое несоответствие реального процесса с логикой инверсии объясняется тем, что инверсия никогда не существует в чистом виде. Определенный уровень способности формировать срединную культуру неизбежно тормозит инверсию, которая тем самым приобретает характер вялой инверсии. Ее можно расценивать как инверсию, застрявшую на половине пути.

Государственность, возникшая на основе раннего умеренного авторитарного идеала, достигла важных успехов. Тем не менее постепенно выявились существенные недостатки сложившегося порядка, которые стали порождать дискомфортное состояние, постепенно переходящее опасный порог. Для решения задач большого общества выдвигались методы, оправдавшие себя в рамках локальных миров, но в условиях большого общества они оказывались неадекватными, порождали нарастание социокультурных противоречий, ослабление способности следовать социокультурному закону.

ОШИБКА ИВАНА ГРОЗНОГО

Яркой фигурой господства раннего умеренного авторитаризма и одновременно его упадка был Иван IV. Для его по-

пытки решить медиационную задачу характерны два существенных элемента. Во-первых, он стремился выйти за рамки вялой инверсии, прибегая к тем или иным методам, прежде всего к террору, и тем самым сокрушить умеренный авторитаризм и утвердить крайний. Это стремление довести авторитаризм до крайности выразилось в разных формах. Царь, например, говорил, что в отличие от других государей он правит не людьми, а скотом. Он возводил произвол в принцип: «Жаловать своих холопов мы вольны и казнить их вольны же». Царь в своих посланиях князю Курбскому говорил, что нарушение воли царя есть нарушение воли Божьей. Во-вторых, в его политике налицо попытка объединиться с вечевым идеалом, господствующим в локальных мирах, направленных против начальства, против ценностей сообществ среднего уровня. Сами эти попытки и их результаты оказались весьма поучительными для всей последующей истории страны.

Глубинная причина террора Ивана IV заключалась, видимо, в том, что до крайних пределов обострился конфликт между существующей консервативной организацией власти и потребностью царя сделать ее более управляемой на путях усиления авторитаризма. Царь видел в препятствиях, чинимых советниками из бояр, причину ограниченности его авторитарной власти. Здесь он совершил распространенную в последующей истории ошибку, состоящую в персонификации социальных явлений, т. е. в сведении тех или иных расцениваемых негативно явлений к проявлению злой воли конкретных лиц (в данном случае — прежде всего бояр), но никак не общего, исторически сложившегося порядка вещей. Это породило у царя постоянный страх. Он то пытался заручиться одобрением английской королевы на убежище, то собирался в монастырь. Опасаясь своего окружения, он тайком бежал из Москвы и дважды отрекался от престола. Успеху антибоярской политики как будто способствовало экономическое ослабление бояр в связи с уходом крестьян на новые земли, а также явные антибоярские настроения в массах, в интеллектуальных и церковных кругах. Тем не менее всего этого оказалось недостаточно для окончательной ликвидации боярства и установления крайних форм авторитаризма. Бояре были сильны своей квалификацией в деле управления, в их руках были связи, навыки. Бояр можно было истребить, но без них нельзя было обеспечить абсолютно необходимый организационный уровень государственного управления. Это обрекало царя и его антибоярскую политику на поражение. Государство не могло существовать без авторитетного и квалифицированного слоя посредников между царем и дворянством. Хотя к этому времени уже

существовали приказы, но они были еще слабы и неавторитетны без бояр.

Иван IV не понимал, что против него стояли не втайне сговорившиеся враги, а организационная неразбериха, хаос, с которым не могла справиться незрелая бюрократия; недоставало квалифицированных администраторов. Он, как и Пересветов, полагал, что все государственные бедствия коренились в том, что «вельможи своим чародейством привратили к себе сердце цареву и научили его во всем волю свою творити». Отсюда «умалилась правда в московском государстве»²⁴. Все проблемы решались изобличением оборотней зла и их уничтожением, попыткой возбуждения массовых представлений об активизации антитотема, персонифицированного зла. Реальная причина дезорганизации аппарата была следствием неустройства, *общей враждебности к государству*, но не к царю лично. Безнадежно провалилась попытка опричнины заставить систему силой перестроиться соответственно принципу крайнего авторитаризма. Рыхлое и инертное государство попросту разрушалось. Боярство пыталось в противоположность царю сохранить умеренный авторитаризм, свое место в системе управления.

Каждый боярин тяготел к местным интересам, к подчинению своих действий некоторым ценностям своего специфического мира. *Развивалось местничество как важнейшая форма локализма*, т. е. стремление к смещению центров власти максимально вниз без соответствующей компенсации развитием культурных интеграторов. В местнических схватках московское боярство проявило энергию и стойкость, не виданную у него при защите интересов общества. «За места наши отцы помирали», — говорили бояре XVII века. Разумеется, эта специфика конструктивной напряженности боярства противоречила стремлению решать медиационную задачу в обществе в целом. Однако бороться с боярством и местничеством путем избиения людей было бессмысленно, так как их действия обуславливались сложившейся системой сообществ, их субкультурами. Борьба против них вылилась в жесточайший террор, бояр истребляли целыми семьями со слугами, имущество отбирали в казну. Н. Карамзин называл Ивана Грозного кровопийцей, по сравнению с которым Калигула и Нерон выглядят младенцами. Объятый страхом, неспособный уменьшить дезорганизацию, дискомфортное состояние, Иван IV лишь разрушал государственность.

Исторические документы свидетельствуют о глубокой вражде народа к чиновникам, к начальным людям, к начальству.

²⁴ Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. С. 61.

Это слово, которое вряд ли имеет достаточно полный эквивалент при переводе на другие языки, носит амбивалентный характер. Начальство — это те, кто отдает приказы и кому необходимо подчиняться. Но одновременно они, как проповедовал Аввакум, подстрекаются дьяволом. Начальство руководствуется личной корыстью и глупыми заумными идеями. Начальство нельзя урезонить и от него лучше держаться подальше, делая вид, что исполняешь его требования. Чиновник, как пишется о нем в челобитных, т. е. просьбах и жалобах в высшие инстанции, лишь «смотрел своего прибытка». В мирских челобитных кормленщики именовались «волками, мучителями и разорителями». Челобитчики писали: «Наместники, волостели и приветчики и их пошлинные люди чинят продажи и убытки великие...»; «Наместника и пошлинных людей впредь прокормить нам не мочно и от того-де у нас в степях и волостях многие деревни запустели и крестьяне-де от того насильства и продаж разошлись по иным городам... безвестно разбрелись врозь. От кормщиков убытки не меньше, чем от самих разбойников». Идея замены системы кормления соборными институтами была неистребимой в массовом сознании. В действиях начальства видели нарушение воли царя.

Всенародная вера тотемного типа в царя как воплощение высшей Правды, гаранта покоя и порядка противостояла боярству. Для промежуточного слоя между царем и народом в манихейской модели мира места не остается. Он как среднее звено отсутствует в манихейской модели и расценивается как дискомфортное явление.

Массовое сознание симпатизировало царю, положительно оценивая его личность, что отразилось, например, в многочисленных впоследствии сложившихся песнях о взятии Казани. Иван IV изображался как справедливый царь. Бедствия же, связанные с террором и разорением, воспринимались как естественные и в вину царю не вменялись. Массовое сочувствие способствовало делу истребления бояр, пополнению рядов опричнины, готовой расправляться с ними.

Эта вера, казалось бы, открывала широкие возможности для решения медиационной задачи, т. е. выработки политики, которая соединила бы массовое сознание с системой ценностей первого лица. Обращаясь к народу, Иван IV в своих грамотах обвинял бояр в измене, в ущербе, причиненном ими стране в годы его малолетства, в незаконном обогащении, в нежелании защищать православную веру от многочисленных врагов — литовцев, татар, немцев. Однако обвинения отражали не столько реальные провинности бояр, сколько идеологические, по сути демагогические устремления царя к консолидации

своих ценностей с массовыми. Власть пошла навстречу идеалам низов. В 30-е годы в ответ на челобитные власть передала в руки местных миров полицейские и судебные функции. Соответствующие правительственные грамоты основывались на крестьянских челобитных. Согласно судебнику 1550 года вводился институт присяжных, существовавший в Новгороде. В 1550 году, ссылаясь на «докуку великую», царь передал власть на местах земству, т. е. соборному институту. Никогда полностью не исчезавшая система выборных «излюбленных людей», старост, голов, целовальников была официально признана основанием всего административного устройства.

Следует заметить, что история страны не знала другой формы, в которой правящая элита столь последовательно и далеко шла бы навстречу конструктивной напряженности локальных миров. Она стремилась следовать формам народной жизни в самой организации медиатора. Земская реформа открывала путь локальному идеалу, обнажала и легализовала локальность жизни. Земского старосту выбирали в волости и даже в слободе. Служилые люди, помещики и вотчинники были отстранены от участия в их управлении. Правящая элита пыталась без среднего звена начальства непосредственно опереться на народную почву. Авторитарное государство произвело прямое организационное слияние государственного аппарата, подчиненного царю, с низшим уровнем управления, сосредоточенным в локальных мирах. Так можно было действовать лишь в убеждении, что этот нижний уровень несет в себе полную поддержку царской власти. Не заключалась ли здесь еще одна ошибка? Специфическая культура локальных сообществ низшего уровня, действительно, характеризовалась преклонением перед царем, чему сохранилось достаточно свидетельств. Кроме того, на этом же уровне концентрировалось стремление к сохранению натуральных форм хозяйства, противостоящих развитию товарно-денежных отношений. Сохранился любопытный документ — обращение «К благохотящим царем, правительником и землемерием», относящееся, видимо, к 30-м годам XVI века и принадлежащее предположительно духовному лицу южнославянского происхождения. Документ был направлен к «благополучию всем сущим под царем» путем реформ. Он исходил из того, что «в начале всего потребни суть — *ратаеве*» (пахари), и противостоял денежным отношениям, требовал натурализации связей. Служилый класс должен был нести даровую службу и жить исключительно натуральными доходами со своих крестьян. Категорически запрещалось «взимать серебро», заменять натуральные повинности денежными. Повинности государству отменялись, и оно долж-

но было жить доходами с государственного имущества. Основной мотив этого документа — натурализация отношений. П. Милуков предполагал, что, возможно, под влиянием этого проекта была отменена система кормлений и проведен ряд других мероприятий²⁵.

Высокая ценность в крестьянском сознании сохранения натурального характера хозяйственных отношений, веры в царя создавала определенные предпосылки для реформ Ивана IV, так как господство натуральных отношений в сочетании с массовой уравнительностью, с одной стороны, требовало авторитарной власти, способной «всех равнять», а с другой — создавало у власти представление, что крестьянство — истинная и надежная опора царя.

Уничтожив раздражавшую локальные силы систему кормления, власть рассчитывала на исправные платежи. Вероятно, столь глубокая реформа в стране с развитым государственным сознанием дала бы импульс росту ответственности за государство, за целое, такого рода акт явился бы важной вехой в развитии правового государства. Здесь же она, развязав локальные силы, была шагом к новому краху государственности, к развалу большого общества. В стране выявилось существование своеобразного двоевластия, т. е. власти местных локальных миров со своими ценностями и власти государства — со своими. На это высшая власть ответила собственным вариантом двоевластия. Царь до невиданных размеров расширил свой двор, т. е. личную вотчину, за счет прежних уделов, поскольку вотчиной царь мог править без бояр. Страна была разделена надвое, одна часть управлялась непосредственно царем, другой правили бояре. Низы замыкались в своих локальных мирах, активно вмешивались в государственные дела главным образом для избиения ненавистного начальства.

Царь нуждался в разрушительных силах, так как пытался возвести уголовную практику в ранг государственного института — опричнины. Опричнине требовались люди, разорвавшие нравственную связь с ранее сложившейся системой. Были необходимы не только уголовные элементы, увидевшие в государстве институт преступности, но и враждебные начальству (прежде всего боярству) выходцы из локальных миров, нужен был также доброжелательный нейтралитет свидетелей избиения. Террор говорил об отчаянии, в котором впал царь в своих попытках апелляции к заведомо разрушительным силам. Надежда на них как на силы, которые автоматически обеспечат торжество Правды, свидетельствует лишь о древней вере, со-

²⁵ См.: *Богословский М. М.* Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. М., 1898. С. 6, 7, 11, 19, 21.

гласно которой победа над злом неизбежно приводит к торжеству добра. Возможность победы еще худшего зла в голову не приходила. Он синкретически отождествлял Правду с силой. В официальных документах того времени можно читать: если «не великою угрозой угрозили, то и правды в землю не ввести». Сила сливалась с Правдой воедино. Произошла парадоксальная вещь. В борьбе с нарастающим хаосом царь пытался опереться на широкие массы, но это открывало путь еще большему хаосу. *Решающим оказался конфликт не между царем и боярством, а между авторитаризмом и древним синкретизмом.* Ценности, таящиеся в локальных мирах, постоянно периодически обращали свою конструктивную напряженность против государственности, дезинтегрируя общество. Причем *эта враждебность по своей сути носила догосударственный характер, истолковывала реальность в древних догосударственных представлениях.* Массовая интерпретация не доходила до уровня осознания в должных масштабах необходимости воспроизводства институтов государственности, за исключением власти самодержавного государя. Выбросы архаики могли носить сокрушительный для большого общества характер.

ВТОРАЯ КАТАСТРОФА

Событие, происшедшее в 1547 году, можно считать началом упадка второй государственности. В большом московском пожаре погибло около двух тысяч человек, после чего начались антибоярские восстания. Пожар приписывали волхвованию бояр Глинских, родственников матери царя. По слухам, княгиня Анна, царева бабка, разрывала могилы и из сердец покойников изготавливала порошок, с помощью которого и вызывала пожары²⁶. Древний миф обернулся реальностью бунта, непосредственной целью которого явилось истребление правящей элиты. В синкретических представлениях бояре отождествлялись со злыми силами, собственный бунт — с голосом Правды. Позднее Иван IV признавался: «Вошел страх в душу мою». Восстание 1547 года свидетельствовало, что разрыв в ценностях между правящей элитой и широкими массами приобрел острую форму. Выявились существование возрастающей вражды народа к власти, его стремление свести к нулю престиж всей правящей элиты за исключением царя.

²⁶ Одна из версий этих слухов — см.: *Афанасьев Л. Н. Древо жизни: Избр. статьи.* М., 1982. С. 416.

Однако, и это крайне важно, решение такого типа, т. е. попытка партиципации первого лица к народу в ущерб медиатору, государственности, не только не способствовало преодолению социокультурных противоречий, но и, наоборот, резко их обостряло. Причины этого достаточно очевидны. Массовая поддержка царя народом реально носила догосударственный характер и в силу этого неизбежно сочеталась с разрушением государственности, большого общества. Она при субъективной приверженности народа к царю неизбежно подрывала высшую власть, так как в силу локальности своей конструктивной напряженности рассматривала государственный аппарат как дискомфортное явление. Народ и царь объединялись не столько в творческом созидании, сколько в разрушении, в истреблении персонифицированных злых сил.

Между тем положение страны осложнялось. Вторая половина XVI века ознаменовалась распадом Золотой Орды, что далеко не всегда было благоприятно для положения русских земель. Многочисленные улусы, образовавшиеся вместо единого государства, тревожили страну постоянными набегами, разоряя и убивая население, выжигая селения и города. В 1521 году такой набег опустошил села под Москвой. В 1571 году она была сожжена. Объединение Польши и Литвы поставило в тяжкое положение население Южной Руси, подвластное до тех пор Литве. В XV веке Литвой были захвачены значительные территории на путях к Москве. Войны требовали от общества все больших усилий, ресурсов, качественных сдвигов в управлении, роста творчества, позитивных новшеств с целью укрепления общества, смягчения несоответствия между локализмом и задачами интеграции. Однако существовавшая культура общества не давала предпосылок для подобных изменений.

Дискредитация боярской власти со стороны царя привела к тому, что сама по себе власть превратилась в фактор дискомфорта состояния; распространилось представление, что царь — колдун, продавший душу дьяволу. Князь Курбский назвал его «зверем-антихристом», сидящим «на месте святом». Стремление царя к усилению авторитаризма, к неограниченной власти, идущее вразрез с господствующим идеалом, было опасно для страны, так как лишало ее эффективного управления, ослабляло важнейший фактор интеграции. Саморазрушение власти привело к отрыву царя не только от почвы, но и от государства, от своего ближайшего окружения. Иван IV был, по-видимому, отравлен и задушен своими приближенными, которые тем самым отвели угрозу, нависшую над их жизнью²⁷.

²⁷ См.: *Корецкий В. И. Смерть грозного царя*// Вопросы истории. 1979. № 9.

Мифические силы зла материализовались и вернулись к своему жрецу, заставив его сыграть свою амбивалентную роль как источника и одновременно жертвы зла до логического конца. Государство попросту теряло контроль над обществом. К концу правления Ивана IV в стране царил разруха. В результате трехлетнего голода 1569—1571 годов и моровой язвы погибли сотни тысяч людей, дело доходило до людоедства. Бедствие усугублялось вторжением неприятеля. Это время отмечено массовым бегством крестьян на окраины. Население Москвы сократилось втрое, сельская местность обезлюдела. Большая часть земель не обрабатывалась. Так, в Московском уезде к моменту смерти Ивана IV не засеивалось $\frac{5}{6}$ пашни. Общество не смогло повышением эффективности своей воспроизводительной деятельности нейтрализовать ухудшение ситуации, в частности, последствия негативных временных климатических изменений. Дворянство скудело. Царствование Ивана IV оставило после себя дотла разоренную страну. Процесс саморазрушения авторитаризма в конце концов обрел на гибель династию. Живая жизнь ускользала из-под контроля медиатора.

Началась длительная агония медиатора, который разрушался конфликтом двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом), ростом социокультурных противоречий. При слабом правителе царе Федоре Иоанновиче (1584-1598) последовала серия грозных народных выступлений. Бунтом были охвачены разнообразие слои населения — кабальные люди, купечество, малоземельное дворянство. Находившаяся во власти локальных интересов значительная часть населения по существу пришла в противостояние государственности, большому обществу и наносила им жестокие удары.

Царь Борис Годунов (1598-1605), способный и гибкий правитель, много сделал, чтобы предотвратить крушение власти, попытался оттеснить бояр, чтобы укрепить единовластие и обрести поддержку народа. Натиск вечевого начала снизу он старался смягчить, облегчая тяготы, искореняя произвол и беспорядки, заботясь о правосудии, защищая слабых. Но положение ухудшалось, возрастал разрыв векторов конструктивной напряженности, один из которых был направлен на воспроизводство локальных миров, другой — большого общества, разрыв массового сознания и государственности.

В 1601-1603 годах страна переживала невиданный голод. Мероприятия царя Бориса в помощь голодающему населению не имели результатов и не встретили сочувствия. Грозным предзнаменованием катастрофы явились бесчисленные слухи с ложными обвинениями в адрес царя, превращавшие его в выс-

шее воплощение земного зла. Его личная трагедия — бессилие перед стихией массового сознания. Алкавшее «природного царя», оно обрело его наконец в самозванце, авантюристе, выдававшем себя за сына Ивана Грозного, убедившем народ в том, что он и есть потомок тотема. Его поддерживали казаки, крестьяне, оппозиционное боярство, служилый люд и частично духовенство. Однако уже через несколько месяцев после своего восшествия на престол Лжедмитрий, который не скрывал своего стремления к реформам, лишился народной поддержки. В этом видна инверсия массового сознания, психология крайностей. Не последнюю роль здесь сыграло его поведение, отличное от образа жизни прежних русских царей, его польская одежда, бешеные скачки верхом по городу, музыка и пение во время обеда, «богопротивная телятина», которую он употреблял вопреки распространенному убеждению в греховности этой пищи. Период крушения авторитаризма по смерти Ивана Грозного получил в истории название «Смутного времени». Английский посол, посетивший Россию в 1588 году, предвидел возникновение «гражданского пожара»²⁸.

Основное содержание Смутного времени — активизация локальных идеалов, соответствующей конструктивной напряженности. Немаловажной движущей силой Смуты было сопротивление начавшемуся в XVI веке стремлению власти «перевести натуральные повинности своих подданных в денежные»²⁹. Это было результатом определенного роста удельного веса денежной ренты в XIV-XV веках³⁰. Но во второй половине XVI века вопреки политике правительства имело место «попятное движение в сторону натурально-хозяйственных форм»³¹. Эта тенденция больше соответствовала уровню хозяйственного развития Московского государства (где мы «встречаемся с царством натурального хозяйства»³²), чем противоположные устремления высшей власти, которая нуждалась в деньгах. Это существенное для судеб страны расхождение, несомненно, сыграло свою роль в обострении отношения народа и власти. Дезинтеграция перешла порог необратимости. Наступил развал государственности и общества. Бедствия этого

²⁸ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 31-32.

²⁹ Покровский М. Н. Местное самоуправление в древней Руси // Мелкая земская единица. СПб., б. г. С. 224.

³⁰ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 240. — Впрочем, не все согласны с доказанностью этого тезиса (см.: Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. // История СССР. 1962. № 3. С. 153).

³¹ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. С. 250.

³² Огановский Н. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. С. 74—75.

времени не поддаются описанию. Некоторые историки полагают, что в Смуте и от голода погибла треть населения Московского государства. Например, плотность населения Замосковья в начале XVI века составила 17,6 человек на кв. версту, а в 20-х годах XVII века — 7 человек³³, т. е. снизилась на 60%. Разумеется, не все они погибли, многие бежали из своих поселений.

К Смутному времени идеи единства страны еще не получили законченного выражения. Официально в соответствии с ценностями массового сознания была выдвинута формула: «Все государства Российского царствования». В Смуте отдельные города и территории сами решали, кому целовать крест, что было характерно для периода царствования Василия Шуйского (1606-1610). Московское государство разделилось на Московскую и Тушинскую зоны. В Тушине сидел Лжедмитрий II, «Тушинский вор», с немалым количеством сторонников. Псков, Новгород, Астрахань и другие города после гибели Лжедмитрия I не признали власть Шуйского и отпали от Москвы, отпал в «воровство» и юг страны, усилились нападки на московские власти. Авторитарная власть быстро теряла контроль над страной. В царствование Василия Шуйского боярство получило первенство. Вступая на престол, царь обещал «держать царство» по образу «своих прародителей», что означало отказ от усиления авторитаризма. Политика попала под власть толпы. В событиях 1584-1587 годов, по словам С. Платонова, толпа вела себя в Москве «без всякого разумения»; по свидетельству Маржерета (французский капитан на службе у царя Бориса, а затем Лжедмитрия I), она готова была «ежедневно менять государей в надежде на грабеж». Царь Василий пытался использовать настроения толпы в своих политических интересах, но тем самым лишь развязывал антигосударственную стихию, лишившую его престола. «Свержение московского государя было последним ударом московскому государственному порядку. На деле этого порядка уже не существовало, в лице же царя Василия исчез и его внешний символ»³⁴.

Локальные силы разрушили авторитаризм, все подспудно дремавшие ценности теперь оказались в открытом конфликте друг с другом. Обнаружилось недовольство крестьян, лишенных права самостоятельно владеть землей, которую они считали своей, обострилась враждебность «рабочих» людей к служилому люду, вспыхнула борьба между крестьянством и служилыми людьми (важнейшим элементом медиатора). Кре-

³³ *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. С. 113.

³⁴ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. М., 1937. С. 389.

стьяне выступали против «обояренной» пашни и политики личного закабаления.

В Смутное время насилие как способ утверждения монолога, локальной Правды приобрело небывалый размах, вплоть до призывов к поголовному истреблению правящей элиты. Идеалы восстания под водительством Ивана Болотникова (1606-1607) были разрушительными для государственности в целом: вся земля, имущество бояр и гостей должны быть поделены между холопами, крестьянами и казаками, начальство целиком предполагалось истребить. По свидетельству патриарха Гермогена, обращаясь к народу, восставшие «велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят». В царской грамоте 1606 г. сказано, что восставшие «дворян и детей боярских, и гостей, и торговых всяких посадских людей побивали», что они хотят в Москве «лучших людей побить».

Болотниковцы побивали бояр и начальство за «неправду», насильовали их жен и дочерей. Ненависть к правящему слою была безгранична, причем образы богача и начальства не разделялись. Государство и начальство выступали в глазах масс как дискомфортная сила, разрушительная для их жизни. На институт царской власти эти оценки не распространялись, в нем все еще видели олицетворение древней Правды. Большое распространение получило бегство крестьян на незанятые земли, где образовывались казачьи поселения, отвечавшие идеалам догосударственных форм, личностных отношений братства-товарищества. Казачий круг, построенный по вечевому образцу, был автономен, власти были выборными, казачество не знало ни общего центра, ни общей организации. Казачьи идеалы противопоставлялись боярскому царству, воля — насилию начальства.

На Руси казачество складывалось издревле. В XIII веке известны русские кочевники «бродники», предводительствуемые Плоскыней. Предполагают, что это были потомки славян-скотоводов, ушедших в степи от преследований христианской церкви. С XV века они именуется казаками, пополняются за счет притока беглых крестьян и холопов. В XV веке известны первые казачьи районы, которые располагались за оборонительными линиями Руси на ее границах. Люди бежали от государства, не доверяя ему. Эта хаотическая масса с легкостью переходила от разбойничьих набегов к службе государству. Она несла в себе мощный заряд догосударственных ценностей и стимулировала их активизацию по всей стране.

Тенденция феодализации, формирования сообществ среднего уровня, способных стать узловым пунктом единства общест-

ва, с одной стороны, управляющих отдельными территориями, рассеянными по лицу земли локальными сообществами, а с другой стороны, превращающих разнообразие в единство, воплощаемое в первом лице, вновь не была реализована. Для этого опять не хватило массового распространения соответствующих культурных ценностей, соответствующего переосмысления массовой исторически сложившейся нравственности. Это создало возможность для попытки первого лица сформировать власть на основе крайней авторитарной интерпретации синкретизма, слить общество, государство, первое лицо, собственность и т. д. в одно нерасчлененное целое. Здесь было заложено стремление сформировать общество, соответствующее тому, что К. Маркс связывал с азиатским способом производства. В нем высшая власть стремится опереться непосредственно на силу локальных миров, где средний слой — некоторая система технической связи верха и низа, а не самоценность. Однако и для этого не хватило сил, так как массовая активизация авторитаризма не давала основы для его крайних форм. Это выражалось, в частности, в том, что *в обществе не сложился достаточно влиятельный слой, способный обеспечить сильную массовую критику вечевого идеала с позиций крайних форм авторитаризма*. Общество опять не сумело найти прочную нравственную основу для интеграции большого общества, для решения медиационной задачи. Власть не только не сумела сдерживать рост дезорганизации до опасного порога, но и сама в борьбе с дезорганизацией ее усиливала. Поиск выхода из стрессовой ситуации на путях инверсионного перехода от одной крайности к другой, недостаточное развитие срединной культуры не создали предпосылок для преодоления разрыва между ценностями медиатора и массовой культуры, между представлением широких масс о реальности и их идеалом, между единством и многообразием общества. Ценности большого общества не утвердились в должной степени в сознании миллионов, и, следовательно, они не воспроизводили его и не противостояли его дезорганизации. Общество не сумело приостановить рост дезорганизации, которая, достигнув определенного порога, превратилась в необратимый процесс. Разнообразие общества, не включенное в функционирование государства, накопилось за его пределами и в конце концов сокрушило авторитарный монолог. Творческая энергия миллионов не столько концентрировалась медиатором, сколько накапливалась вне сферы его власти и в возрастающих масштабах подрывала государственность. Люди, встревоженные давлением власти, возрастающей дезорганизацией, ослаблением авторитаризма, увидели в начальстве и даже в личности

царя силу зла, что означало для власти катастрофическую потерю престижа и в конечном итоге полную неспособность принимать решения, которые общество было бы готово выполнить. Государство пало в результате бунта локализма. Страна второй раз погрузилась в пучину катастрофического хаоса. Это породило условие для массового инверсионного перехода к новому нравственному идеалу.